

Эва Гринерс

НАСТОЯЩАЯ СЕМЬЯ

УДК 82-312.9
ББК 84-445
Г85

Г85 **Гринерс Э.**
Настоящая семья / Эва Гринерс – М.: Литнет, 2026. – 258 с.

ISBN 978-5-521-99069-6

Вера всю жизнь мечтала о настоящей семье и детях. Но в тот момент, когда ее мечта вот-вот должна была осуществиться - жизнь рухнула. Возможно ли начать все сначала, только в чужом теле, в чужой семье и с чужими детьми? И станет ли чужая семья - своей? Вопросов у героини вначале будет больше, чем ответов. Как научиться выживать по-настоящему и как обрести способность снова любить. Однако, там, где есть вера и надежда - обязательно будет любовь.

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ.

ISBN 978-5-521-99069-6

© Литнет, 2026
© Э. Гринерс, 2026

Глава 1

Я отерла влажный лоб и оглянулась на то, что смогла сделать за сегодня – не так уж и плохо. Поясницу тянуло. Да и чувствовала себя с утра неважно – побаливала голова и немного подташнивало. Однако, пару соток вскопала. Я так и не научилась навскидку определять эту землю, как с легкостью делали это местные жители. Да и куда мне – воспитательнице детского сада по профессии.

Кто бы мог подумать, что меня занесет сюда – в эту глухую деревню на три с половиной дома. Копать землю, ловить рыбу в озере, ставить силки в лесу, питаться подножным кормом и каждый день стараться упакать себя физически так, чтобы психике не было сил даже на то, чтобы видеть сны.

Но иногда они все-таки приходили. В них был мой детский сад, где я была неизменно тетя Верочка для всех моих детей. Они приходили и уходили, а я оставалась тетей Верочка и в двадцать пять лет, и в тридцать, и в сорок... Дети шли вереницей мимо меня – все мимо, хотя я и любила их всех. Каждого. Помнила каждую веснушку, каждую слезинку и каждый вихор на затылке.

А своих не было. Хотелось отчаянно. И каждый ребенок был моим... и чужим. Это было больно.

Еще во снах приходил Павел. Мой муж. Любимый и единственный. Когда мы смирились с тем, что будем только вдвоем, пришло оно, неожиданное – в сорок три года я забеременела.

– Верушка, ты дома? Я молочка принес тебе и салыца, – послышался голос старенького моего соседа дяди Леши. Ну как соседа – его дом хоть и был ближайшим к моему, находился в трех километрах. Я сама справлялась со всем, кроме коровы. Промучилась год, да и продала потом. С козами было проще, но козье молоко я не пила, не пришлось по вкусу. Они мне были, скорее, для души, как собаки.

Словно услышав мои мысли, заливисто заголосил мой песель – Краюха. Так обычно называли меня, потому что жила дальше всех. Верка-краюха.

– Дядь Леш, я здесь, – откликнулась я и, очистив галоши от тяжелых комьев грязи, вышла на тропинку, ведущую к дому.

Раньше этот дом был его, а продал он его, потому что лесничество развалилось, сам он стал слишком стар, чтобы жить в глуши. Перебрался в деревню, отдав мне дом с участком за бесценок.

Мы сидели с дядей Лешей на маленькой кухоньке с подслеповатыми окошками и пили чай. Вернее он – чай со смородиновыми листьями, а я крепкий кофе. Сегодня я добавила в него тертый имбирь и корицу. Удивительная вкуснота. Кстати, запасы имбиря кончались, нужно было ехать в город.

От этой мысли меня передернуло. Поездки в город напоминали о прошлой жизни. А я так хотела все забыть – как мне сообщили о гибели Пашки, когда проснулась в больнице и мне сообщили, что ребенка нашего больше нет.

Мы ехали из поликлиники, где нам подтвердили мою беременность. Я шла к машине медленно, словно боясь расплескать свою нечаянную радость и не сразу поняла, что Пашка говорит мне что-то – громко и возбужденно. Только сев в машину, я повернула к нему лицо с улыбкой, готовясь услышать от него что-то очень важное для нас обоих. Ну и услышала.

– Вера, Вера, ты с ума сошла! Какие нам теперь уже дети! У меня диабет, у тебя сердце, нам самим скоро няньки понадобятся! – он нервно завел машину и дал по газам, вороша волосы одной рукой. А я так и осталась сидеть со своей улыбкой, внешне, наверное, не изменившись, только губы онемели. Что он говорит?

– Нам нужно серьезно подумать, пока срок небольшой, – заявил Пашка решительно.

Да что же он такое говорит???

В этот момент я все-таки отвернулась от него, чтобы попытаться

выдохнуть и убрать с лица свою дурацкую глупую улыбку. Я даже коснулась губ дрожащими пальцами, чтобы стереть ее. И увидела боковым зрением, что на нас несется автомобиль. Зажмурившись, я почувствовала удар... и очнулась уже в больнице через неделю. Ни мужа, ни ребенка у меня больше не было.

После выписки я пыталась вернуться к работе, но очень быстро сдалась – к чужим детям стало прикасаться больно физически, каждый рабочий день рвал меня на части. Поэтому я купила по объявлению первый попавшийся дом – единственным моим желанием было, чтобы вокруг не было ни души. По описанию дом подходил, и я, собрав в небольшую сумку только самое необходимое, уехала, чтобы больше не возвращаться.

Посмотрев сухими глазами в мутноватое окно, я подумала о том, что хорошо бы его помыть. Но в целом я с этим не заморачивалась. Мутное и мутное. Хочется видеть белый свет – распахни дверь и выйди на улицу. Ветер носил по двору сухие листья, калину трепыхало.

– Поеду я, Верушка, – засуетился дядя Леша, – все хорошо и хорошо.

Дядя Леша потоптался у двери.

– Ну, пошел я. Ты это... не нужно ли чего?

Мои сухие глаза вдруг наполнились слезами.

– Нет, дядь Леш, спасибо.

Он вздохнул и вышел.

Я сидела у окна, пока слезы окончательно не высохли, затем поднялась. Нужно было проверить силки в лесу и сеть в озере. Я старалась питаться только тем, что давала мне эта земля. Сезон охоты только соблюдала неукоснительно. А рыбачить здесь можно было постоянно, до тех пор, пока озеро не затягивалось льдом.

Левую руку снова как-то странно свело. Может быть, стоило остаться дома и полежать, но тогда снова пришли бы мысли и воспоминания, от которых я сбежала сюда, в эту глушь.

На берегу озера было тихо. Ветер, поднявшийся до этого, стих. Как красиво все-таки. Скоро осень. Я поправила платок, повязанный по-деревенски. Как говорится, по-бабушачьи. Я словно специально старалась себя состарить. Потому что думать о том, что впереди еще много лет было невыносимо.

Мостки подо мной жалобно скрипели и прогибались. Ходить по ним было уже опасно – прогнили почти полностью. Но менять я их не собиралась – выдержат как-нибудь.

Встав на колени, чтобы подтянуть к себе сеть, я почувствовала головокружение, резкий прострел в плечо и покачнулась. Сеть оказалась неожиданно тяжелой, и я неуклюже, словно мешок с картошкой, свалилась в воду. Она была еще теплой – прогрелась за день, однако меня словно сковало, и я медленно пошла ко дну, еще не понимая, что вот-вот умру.

Глава 2

В ушах слышался шум, медленно нарастающий, сплошной и плотный, словно какой-то серый туман, заполняющий голову. Сознание пыталось пробиться сквозь него, но тщетно. Я старалась выбраться из всех сил, цеплялась за ощущения, запахи и едва различимые звуки. Мне показалось, что это были голоса. Почему-то детские. Наверное, это был бред, смешанный с воспоминаниями. Маленькие пальчики настойчиво тянули меня за руки, трогали лицо и волосы.

– Мама! Мамочка! – детский голос зазвенел совсем отчетливо, и мне перехватило горло от его пронзительного отчаяния. Неужели это моя неродившаяся детка зовет меня к себе?

Я невольно рванулась на звенящий от слез голосок и мне удалось распахнуть глаза – сознание вернулось полностью. Так мне показалось в первую минуту. Потому что потом мне захотелось снова зажмуриться, потерять это сознание и очнуться заново – в своем деревенском доме. Ну или, в крайнем случае, в больнице. Однако то, что я увидела, не имело ничего общего с хоть какой-нибудь возможной реальностью.

Я находилась в темноватой комнатке непонятного назначения – то ли спальня, то ли столовая. Стены, когда-то побеленные, были серыми, в разводах и потеках. Напротив моей кровати выделялось чуть более светлым пятном окно, занавешенное грязной рваной тряпкой. Кроме того, стекла, по-моему, еще и порыжелыми газетами были оклеены.

Стараясь не шевелиться, я перевела глаза влево и наткнулась глазами на обладательницу того самого голосочка, который так безутешно и настойчиво звал меня из небытия. А может быть, даже с того света.

Опершись на мою, сомнительного вида постель, на меня смотре-

ло огромными серыми глазами светловолосое создание лет трех-четырёх. Лицо девочки было чумазым, с белыми полосками от слез. Губы ее дрожали и кривились, с них, наверное, готов был сорваться новый отчаянный вопль. Однако, поняв, что я очнулась и смотрю прямо на нее, малышка громко и радостно вскрикнула, навалившись на меня худеньким тельцем. Она гладила мое лицо – щеки, глаза и приговаривала снова и снова:

– Мамочка! Мамочка! Мамочка!

Затем она повернулась и позвала кого-то:

– Коин! Майта! Мама! – и снова прижалась ко мне, вздрагивая и всхлипывая так жалобно, что я совершенно не отдавая себе отчета, невольно подняла слабую руку и приобняла ее, поглаживая по спинке. Сквозь ткань платяца проступали позвонки – круглые, как бусины. Почему она такая худенькая? – толкнулся во мне первый вопрос, словно других вопросов – где я нахожусь и почему эта девочка зовет меня мамой – не было.

Послышался топот шагов, и в проем двери, стыдливо прикрытый такой же грязной тряпицей, что и окно, ворвались еще двое детей – девочка лет восьми и мальчик-подросток.

Я пребывала в шоке, поэтому молча смотрела на них, продолжая машинально поглаживать всхлипывающую на мне малышку.

Дети переглянулись между собой и устремились ко мне. Мальчик протянул руку и потрогал мой лоб грубоватой шершавой ладонью, а девочка встала на колени рядом с сестрой, как я поняла – они были похожи, как две капельки, и погладила меня легкими движениями по одеялу, которым я была укрыта.

– Мамочка, скажи чтонибудь. Тебе лучше? – поскольку я молчала в ужасе, не в силах произнести ни звука, она тревожно взглянула на брата.

– Колин, зови мисс Мону, быстрее же! – и снова уставилась на меня с надеждой и страхом.

Я прикрыла глаза и принялась считать частые удары сердца в попытке

умерить его бешеный ритм. Нужно было только выяснить – путают эти дети меня со своей матерью или все это плод моего воспаленного воображения.

– Майта, а мама есе пяснется? – забавно картавя, произнесла младшая девочка шепотом.

– Да, Мия, конечно. Если сейчас проснулась, то потом и вовсе встанет, – объяснила, видимо, как могла старшая.

«Значит, Марта и Мия», – откликнулся во мне воспитатель, запоминающий новеньких детей в группе.

В этот момент снова слышались шаги и недовольный женский голос, чуть задыхающийся и ухающий, как будто по-совиному.

– Колин! Не тащи меня так! Говоришь, очнулась, а бежишь так, как будто померла! Отцепись от моей руки! – женщина ворчала, как я мгновенно поняла, больше для порядка, но волнение в нотках присутствовало.

Колин, Марта и Мия – снова машинально внесла я в свою записку.

В комнату вбежал такой же белоголовый, как и его сестры, Колин. Я как раз открыла глаза, чтобы удостовериться, что я не сплю. Мальчик замешкался в дверях, потому что тащил, как на аркане, женщину, которая, показавшись из-за дверной тряпки, оказалась невысокой, дородной и краснолицей. Лицо у нее было доброе и сердитое одновременно. Она семенила на коротеньких ножках, пытаясь поспеть за резвым порывистым Колином.

Подойдя к моей постели, она одним движением смахнула девочек в сторону, как котят и присела рядом со мной, внимательно изучая. Затем, так же, как и Колин, она коснулась моего лба. Рука ее пахла дегтярным мылом. Мне не слишком нравился этот терпкий запах – я пользовалась им у себя в деревне для рук и мелких хозяйственных постирушек, но это было нечто знакомое и потому успокаивающее.

– Ну что, Хоуп, очнулись? Может, теперь и без коновалов этих обойдемся? – она точно обращалась ко мне, в этом сомнений не было.

– Меня зовут Вера, – проскрипела я в ответ, глядя ей в глаза, чтобы она поняла меня сразу, – я живу в станице Дядьковской. Вы путаете... – тут у меня закончился воздух в легких, и я закашлялась, а затем постаралась восстановить дыхание. Затылок и ладони стали влажными – я это почувствовала, но продолжала смотреть на женщину по имени Мона в немом напряжении.

Та вздохнула и обернулась к мальчишке Колину – они все маячили чуть поодаль в темном углу, как три белых светлячка. Младшую Мию он неловко, но цепко держал на руках, а старшая Марта обнимала его за ноги.

– Наверное, не обойдется, все-таки, без коновалов, – вздохнула Мона.

Я вдруг испугалась и просипела-прокашляла:

– Не надо! – откуда мне было знать, кем были эти коновалы и что они со мной могли сделать. Лучше было остаться и попробовать выбраться отсюда самостоятельно, выяснив для начала, куда меня занесло, после того, как меня, видимо, выловили из пруда.

– Точно, Хоуп? А то мне возиться здесь некогда, дел невпроворот, а у тебя дети не кормлены. Я уж приглядела туточки немножко, а теперь давай сама, – женщина коснулась моих волос и тяжело поднялась. Кивнула Колину.

– Давай, поднимайте мать, зови, если что, – последние слова она пробормотала почти неразборчиво и скрылась за дверной тряпкой.

А я осталась здесь – на чужой постели, в чужой комнате, с чужими детьми.